

А.В. УРМАНОВ
профессор кафедры русского языка и литературы
БГПУ

**«НУ, КОТОРЫЙ ТЕПЕРЬ МНЕ ГОД?
ЧЁРТ ЕГО ЗНАЕТ, КОТОРЫЙ!...»:
История о том, как Фёдор Чудаков
обрёл, наконец, день рождения**

До недавнего времени датой рождения одного из самых ярких сатириков начала XX века Фёдора Чудакова считался 1887 год. Предположение, высказанное ещё в 1960-е основателем литературного краеведения Приамурья Анатолием Васильевичем Лосевым (1927–2002), со временем вошло в обиход, утвердилось в качестве бесспорного факта и никем не ставилось под сомнение. Во всех немногочисленных публикациях, так или иначе касавшихся биографии Чудакова, фигурировал именно этот год. Такая же дата, причём без каких бы то ни было оговорок и пояснений, тиражировалась (и поныне тиражируется) в интернете.

А между тем Лосев пояснял, что год рождения установлен им, «исходя из данных о возрасте Чудакова, которому ко времени ареста исполнился двадцать один год» [1, с. 50]. Арифметика здесь простая: если на момент ареста (1 января 1909 г.) или допроса (один из первых дней того же января) беглому ссыльному исполнился двадцать один год (этот возраст зафиксирован в протоколе допроса, который вёл с юмором описанный в автобиографическом рассказе Чудакова «Арестант» жандармский ротмистр М.П. Перков)¹,

¹ «Это был очень вежливый и предупредительный господин. Его изящный портсигар всегда был к услугам арестуемых, и папиросы отличались тонким ароматом и приятным вкусом. Я до сих пор вспоминаю нашу беседу с этим колонизатором, происходившую в начале января 1909 года в помещении 1-го участка.

Результатом этой беседы было появление на свет божий документа...

то, следовательно, родился он либо в 1887-м, либо в начале января 1888-го. А так как вероятность второго варианта в сравнении с первым была крайне мала, то А. Лосев и отдал предпочтение 1887-му.

Сложности с определением года рождения сатирика объяснялись тем, что в дореволюционное время в судебных, жандармских и полицейских протоколах принято было указывать не дату рождения, а возраст. А это давало возможность слегка «округлить» его – в зависимости от того, кем подследственный хотел выглядеть в глазах «собеседника» – зрелым человеком, опытным, закалённым идейным борцом с царским режимом или, напротив, неопытным юнцом, заслуживающим снисхождения. Прошедший не одну тюрьму, долгий этап, тяжелейшую сибирскую ссылку, совершивший дерзкий побег, много успевший повидать и испытать, двадцатилетний арестант вполне мог прибавить себе месяц-полтора, чтобы в глазах допрашивающего его лощёного жандармского офицера выглядеть более взрослым. Очевидно, понимая это, Лосев, как настоящий учёный, привыкший опираться в своих исследованиях лишь на факты, и сделал оговорку: установленная им примерная дата рождения нуждается в уточнении и документальном подтверждении. Такого подтверждения Анатолий Васильевич, знакомившийся с редкими архивными материалами – документами жандармского розыскного пункта г. Благовещенска, не нашёл – ни тогда, ни позже, в течение нескольких десятилетий изучая амурскую периодику.

Для меня теперь этот документ замещает иногда меня самого. Всё, что мог бы я сказать про самого себя, занесено в этот документ, начиная от номера обуви и цвета волос, и кончая размером уха, густотой бровей, длиной подбородка и т.д.

Так что теперь, когда меня придут подчинять власти комиссаров, им уже нечего будет трудиться составлять точную топографию моей внешности: это уже сделано ротмистром Перковым» [6, № 4, с. 4].

Прошло более полувека, а вопрос о дате рождения амурского Саша Чёрного по-прежнему оставался открытым: обращения в пензенские литературные музеи и архивы результатов не давали. Ни на родине – в Чембаре (с 1948 – г. Белинский), ни в областном центре – Пензе о раннем периоде жизни, о детстве и юности прославившегося на Амуре журналиста и писателя ничего определённого сказать не могли. Доходило до курьёзов: в ответ на запрос из Амурской области пензенцы отправляли ссылку на статью амурского же исследователя. По этой причине в изданной в 2013 г. в Благовещенске «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.» дата рождения *Амурца* осталась прежней, предположительной – 1887 год [4, с. 423].

И лишь недавно, при подготовке книги избранных произведений Фёдора Чудакова [5], автору этих строк удалось приблизиться к истине, существенно сузив временные рамки для целенаправленного архивного поиска.

Книга эта, вышедшая в конце 2016-го, – первое за столетие издание произведений Чудакова, призванное вернуть фактически из небытия масштабную творческую личность, сопоставимую с первыми сатириками Серебряного века. Помимо сатиры, в ней представлены лирика, проза, драматургия. А в последний, шестой раздел вошли уникальные материалы, связанные с трагической гибелью семьи Чудаковых: предсмертные письма, отклики на самоубийство, воспоминания современников. Составителю, в частности, удалось отыскать 7-й номер журнала «Дятел, беспартийный», который начинал готовить к печати Фёдор Чудаков, а заканчивать пришлось родному брату Дмитрию, типографскому рабочему. Номер вышел спустя две недели после трагедии – 14 (27) марта 1918 г. и включал, в том числе, посмертные «биографические штрихи» о писателе, автором которых был Михаил Хрисанфович Катаев – журналист, редактор-издатель и сотрудник некоторых периодических изданий, выходивших в Благовещенске. В 1916–1917 Катаев являлся редактором-издателем газеты «Амурское эхо», одним из самых деятельных авторов (и секретарём редакции) которой был Чудаков; в 1917–1918 оба

они сотрудничали в эсеровской газете «Народное дело». Совместная работа сблизила их, а трагическая смерть сатирика 28 февраля (13 марта) 1918 года на некоторое время предопределила направление журналистской и общественной деятельности Катаева: в мае 1918-го он стал издавать журнал «Чайка», главная провозглашённая цель которого – увековечение памяти Чудакова, изучение и популяризация его творчества. Значительное место в «Чайке» занимали статьи и воспоминания о сатирике. Два номера журнала почти целиком были посвящены Чудакову, во 2-м, в частности, опубликована статья Катаева «Трагедия души поэта, или Обманутая вера», объясняющая причину трагического ухода, а в 5-м – его же статья «Как умерли Чудаковы», воссоздающая обстоятельства потрясшего амурскую общественность самоубийства.

В упомянутых выше посмертных «биографических штрихах» друг и соратник Чудакова утверждал: «Фёдор Иванович родился в 1888 году...» [2, с. 17; 5, с. 537]. Статья М. Катаева Лосеву, судя по всему, не была известна: в Благовещенске 7-го номера «Дятла...» (точнее – страниц, на которых напечатаны «посмертные» материалы) нет, в Российской государственной библиотеке («Ленинке»), в которой работал Анатолий Васильевич, этот журнал вообще отсутствует. На «биографические штрихи» Лосев никогда не ссылался, не цитировал их, нигде не обнаружил знание тех фактов, которые там изложены. Или, быть может, он проигнорировал их, поставив под сомнение достоверность свидетельств М. Катаева? Поверить в это невозможно, ибо биография сатирика, изданная его родным братом, не может не заслуживать уважительного отношения. Тем более что в ней немало подробностей о самом «тёмном» периоде жизни Чудакова – чембарском.

Составляя «биографические штрихи» для «посмертного» выпуска «Дятла, беспартийного», Катаев, как можно предположить, уточнял (обязан был уточнять!) факты биографии сатирика у его брата Дмитрия. Который, в свою очередь, выполнял роль фактического редактора-издателя прощального номера журнала и потому должен был

вычитывать материалы, тем более такой важный, как биография покойного. Конечно, чисто теоретически дата рождения, которую назвал М. Катаев (1888), могла содержать опечатку или даже фактическую ошибку, ставшую следствием спешки автора материала и невнимательности редактора 7-го номера «Дятла...», однако вероятность этого не очень высока. С другой стороны, полностью полагаться на статью М. Катаева тоже было нельзя – это ведь не документ. Так что вопрос о дате рождения сатирика хотя и несколько прояснился в период подготовки книги его сочинений, но всё равно нуждался в уточнении, которое строилось бы на более веских основаниях, нежели журнальная статья или протокол жандармского допроса.

Не добившись окончательной ясности с годом рождения (но сделав выбор в пользу 1888-го), редактор-составитель книги избранных произведений Чудакова сумел «вычислить» месяц: помогли разысканные произведения сатирика. Одно из них – стихотворный фельетон «Кошмар фельетониста», опубликованный под псевдонимом *Язва* 13 (26) февраля 1911 года. Содержание произведения недвусмысленно свидетельствовал: день рождения автора приходится на первую половину февраля:

Он лежит на жёсткой койке,
День рождения кляня.
Перед ним, как пёс на стойке,
Зоркий сторож – Злоба Дня...
Пасть отверста, зубы скалит,
Воет, рывкает, скулит...
Одного в канаву валит,
А тому портфель сулит.
Пуришкевич в песьей коже...
Вот Гучков ползёт, как вошь...
Рожи, рожи, рожи, рожи...
Боже! Боже! Сколько рож!!
Он лежит на старой койке,
День рождения кляня.
Перед ним, как пёс на стойке,
Верный сторож – Злоба Дня [7, с. 4; 5, с. 102].

Фельетон «Кошмар фельетониста» давал веское основание для вывода: автор отмечал своё рождение несколькими днями ранее даты публикации произведения – 13 февраля.

Предположение это нашло подтверждение ещё в одном произведении Чудакова, созданном семью годами позже. Речь о прозаическом фельетоне «Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области!», опубликованном за подписью *Обиженный Фёдор* в № 4 журнала «Дятел, беспартийный», а именно, как обозначено на титульном листе, 4 (17) февраля 1918 года. Как станет понятно чуть ниже, такой датировкой очередного номера любимого своего детища редактор-издатель «Дятла...» продемонстрировал, что не признаёт за большевиками права на радикальную ломку всего и вся, в том числе календаря.

Причина «обиды» автора фельетона на «власть-советских» – то, что они лишили его (и многих других российских Фёдоров, да и не только их) приближающихся именин. Дело в том, что 24 января 1918 г. декретом Совнаркома был упразднён юлианский и введён григорианский календарь, в соответствии с которым вводилась поправка в 13 суток. Декретом устанавливалось, что после 31 января 1918 г. в России сразу наступит 14 февраля – по новому стилю. В практике датировки все события и документы, относящиеся к периоду до 1 февраля 1918 г., датируются по юлианскому календарю («старый» стиль), с 1 февраля 1918 г. – по григорианскому («новый» стиль). Основной дате может сопутствовать дата другого стиля, помещённая рядом в круглых скобках.

Одним из последствий этого поистине революционного решения советской власти стало то, что период с 1 по 13 февраля 1918 г. вообще выпал из российского календаря и из российской истории: эти дни были как бы «списаны» (но только, как мы помним, не редактором-издателем «Дятла, беспартийного»).

Что касается частной жизни граждан, то в проигрыше оказались те, у кого именины (и дни рождения) приходились

на эти дни. В таком положении оказался и Фёдор Чудаков: декрет Совнаркома «съел» (по современной казённой терминологии – «оптимизировал») его день рождения – а он, судя по тексту фельетона, приходился на 8 февраля по старому стилю – то есть на день, в который православная церковь чтит память святого великомученика Фёдора (Феодора) Стратилата. Приведём с небольшими сокращениями этот фельетон, в котором автор фактически назвал дату своего рождения:

«Выходит, что наши-то именины в нынешнем году – кошка съела! После 31-го января велено считать сразу 14 февраля, а 8-е-то, оказывается, Митькой звали! И получается, что не только никаких “технических надобностей” в этом году нам не испробовать, но даже и пирог с кетой упразднён без остатка. Ленину-то хорошо! Он правит именины и на Николая², и на Владимира (так уже полагается для всякого городничего на Руси), а тут в кои-то веки задумаешь раз в год удовольствие себе и товарищам доставить, ан, глядь, фигу получаешь.

Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области!.. Давайте протестовать, товарищи! Легко сказать, ведь так и собственный возраст перепутать недолго. Как считать года без именин? Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который!..

Углублять – углубляй, это дело не наше. Разгоняй Учредилку, мирись с Вильгельмом – это всё ерунда! Но именины – не тронь!..

Товарищи Фёдоры-Стратилаты всех волостей и города Благовещенска! Соединяйтесь! Давайте или контрреволюцию, или складчину устроим!» [3, с. 13; 5, с. 228].

Именины (и день рождения), которых большевики лишили Фёдора Чудакова в феврале 1918 года, были, как мы теперь выяснили, не рядовые, а юбилейные...

² Намёк на то, что глава Советского правительства и вождь большевистской партии ведёт себя, как единодержавный правитель – то есть как низвергнутый император Николай II, небесным покровителем которого был святой Николай Мирликийский (Николай Чудотворец).

Теперь о главном – о находке, поставившей точку в длившемся много десятилетий поиске. Буквально на днях в ответ на очередной запрос краеведа Евгения Паршина – одного из ведущих авторов «Энциклопедии литературной жизни Приамурья...», из Государственного архива Пензенской области пришло, наконец, документальное свидетельство – сканы метрической книги Николаевской церкви г. Чембара за 1888 год (Ф. 182, оп. 7, д. 201, л. 286 и 289-290).

Итак, отныне можно считать установленным фактом, что сатирик Фёдор Чудаков родился 8 (20 по новому стилю) февраля 1888 года – то есть в тот самый день, когда православная церковь чтит память Фёдора Стратилата. Следовательно, своим именем будущий писатель, действительно, обязан этому христианскому святому-великомученику.

Обряд крещения состоялся двумя днями спустя – 10 (22) февраля – в Николаевской церкви, а проводили его священник Иоанн Лагарпов и дьяконы Александр Громов и Василий Полевский. К слову, храм этот, построенный ещё в 1790 году, в советское время был разрушен, а кирпичами его мостили улицы города. Не спасло церковь и то, что, по преданию, в ней не раз бывал М.Ю. Лермонтов, что в апреле 1842 года, когда свинцовый гроб с телом поэта везли из Пятигорска в соседние с Чембаром Тарханы, на родине Ф. Чудакова была сделана остановка, и, по свидетельству современников, «у каменного собора Николая Чудотворца служили панихиду»...

Совершавший таинство крещения священник Иоанн (Иван Фёдорович) Лагарпов являлся настоятелем Николаевской церкви с 1883 по 1913 год, затем он был назначен настоятелем кафедрального Покровского собора г. Чембара. По дошедшим до нас сведениям, отец Иоанн был образованнейшим человеком, имел большую библиотеку, вёл праведную жизнь, оказывал духовную и материальную помощь всем страждущим, за что жители Чембара безмерно уважали священника. Послереволюционная его судьба трагична: в 1922 г. Лагарпов воспротивился изъятию

церковных ценностей советскими властями, за что впал в немилость. В конце 1920-х дом священника разорили, имущество разграбили, а сам он оказался на Соловках, где принял мученическую смерть.

Скорее всего, Иоанн Лагарпов – тот самый «отец Иван», которого недобрым словом поминает биограф сатирика Михаил Катаев (очевидно, всецело полагаясь на мнение брата сатирика – Дмитрия):

«С семи до десяти лет он [Фёдор] учился в приходской школе, которую окончил первым учеником; затем его определили в городское четырёхклассное училище; последнее он окончил четырнадцати лет от роду. Своими выдающимися способностями, лёгкостью, с которой ему давалось ученье, общей развитостью не по летам и проявляемой им чрезвычайной любознательностью – всем этим он обращал на себя невольное внимание учителей и наставников, часть которых относилась к нему враждебно за его буйный, строптивый, упрямый и непокладистый нрав. Некоторых из них он высмеивал и вышучивал в стихотворных эпиграммах; некоторых ставил в тупик своими смелыми вопросами и заставлял их краснеть и смущаться, так как они были не в состоянии ответить на задаваемые мальчиком вопросы. Бездарные, невежественные рутинёры, “человеки в футляре”, однако, отличались злопамятностью и мстительностью. Так, когда Ф.И. отправлялся в Пензу поступать в учительскую семинарию, то законоучитель, отец Иван, дал ему кусочек просфоры, а другого своего ученика, с грехом пополам сдавшего экзамены, он снабдил письмом, благодаря которому перед ним и раскрылись двери учительской семинарии, а перед Ф.И. они закрылись, несмотря на то, что он получил лучшие отметки за все испытательные работы.

По возвращении из Пензы в родной Чембар Ф.И. хотел поступить учителем в церковно-приходскую школу, но тот же отец Иван “принял меры”, и с злополучным юношей повторилась та же история, что и при попытке попасть в учительскую семинарию» [2, с. 17; 5, с. 538].

Вернёмся, однако, в февраль 1888-го. Крёстными новорождённого, как свидетельствует метрическая книга,

стали Анастасия Алексеевна Чудакова (по-видимому, родственница по отцовской линии) и купец 2-й гильдии Иван Иванович Аксёнов, расстрелянный чекистами 25 сентября 1918 г. во время массовой казни чембарских «контрреволюционеров».

Вот такие лихие сюжеты закручивает порой отечественная история: под революционное Красное Колесо (метафора А. Солженицына) попадают и те, кто его раскручивал (Фёдор Чудаков), и те, кто в меру сил пытался остановить его вращение (Иоанн Лагарпов), и те, кто надеялся «переждать» трудные времена (Иван Аксёнов).

Метрическая книга «воскресила» имена родителей писателя: отца его, состоявшего в мещанском сословии, звали Иваном Ивановичем, мать – Натальей Петровной.

Произошедшее – событие, значимость которого чрезвычайно велика: впервые за столетие появилась возможность отдать должное блестящему амурскому сатирику, отмечая дни его рождения, а особенно – юбилейные даты. Ближайшие приходятся на февраль-март 2018 года: 8-го (20-го по новому ст.) исполнится 130 лет со дня рождения Фёдора Чудакова, а 28-го (13 марта) – столетие с момента его трагической гибели.

В связи с тем, что времени до этих почти совпадающих памятных дат остаётся не так уж много, необходимо уже сейчас подумать о том, как их можно достойно отметить.

Одним из первоочередных шагов по увековечению памяти Фёдора Чудакова могла бы стать установка в день его 130-летия мемориальной доски на одном из зданий Благовещенска.

Хочется верить, что возвращение нашему выдающемуся земляку дня рождения станет прологом к полномасштабному возвращению его творчества, его произведений. Уверен, что большим событием культурной жизни города и области могли бы стать спектакли по пьесам Чудакова, и поныне не потерявшим острой актуальности: в их числе социально-психологическая драма «Изгнанники» (напечатана в книге избранных произведений), драматическая сказка в стихах «Очарованный Леший».

Ещё важнее, как мне представляется, издать к юбилею, на этот раз в Благовещенске, второй том избранных произведений *Амура* – «Накипь дня». В книгу, работу над которой я завершаю, войдут ранее не издававшиеся фельетоны и сатирические стихи, рассказы и очерки, лирика, приключенческий роман «Тайны Зеи», сатирическая поэма «Ахиня» (история о том, как герои гомеровской «Одиссеи» в качестве переселенцев попадают на Зею), упомянутая драматическая сказка «Очарованный Леший», многие другие захватывающе интересные произведения, талантливо воссоздающие разные грани общероссийской и амурской действительности начала XX века.

Литература

1. *Лосев А.В.* Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) / публикация и комментарии А. Урманова // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 47–54.
2. *М. К-в [Катаев М.Х.]* Фёдор Иванович Чудаков: биографические штрихи // Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 17–18.
3. *Обиженный Фёдор [Чудаков Ф.]*. Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области! // Дятел, беспартийный. № 4. 1918. 4 (17) февраля. С. 13.
4. *Урманов А.В.* Чудаков Фёдор Иванович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 423–428.
5. *Чудаков Ф.* «Чаша страдания допита до дна!..»: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / составление, предисловие, подготовка текста, комментарии А. Урманова. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016. 716 с.
6. *Эс-эр. [Чудаков Ф.]* «Арестант» // Дятел, беспартийный. 1918. № 4. С. 4–6; № 7. С. 3–4.
7. *Язва. [Чудаков Ф.]* Кошмар фельетониста // Эхо. 1911. 13 (26) февраля. № 688. С. 4.